

Нужно было поскорее убрать этот лоток, чтобы избавиться от своей алчной сестры.

Тун Вэйлун не был настолько глуп, чтобы думать, что сможет заполучить лоток всего лишь парой слов. Поэтому он сразу взял с собой семейный регистрационный документ.

Вернувшись домой и перелистав документ, он с удивлением обнаружил, что в семье появился новый человек.

Чжоу Миньянь!

Опять этот маленький мерзавец.

С тех пор как он появился, в доме начались одни неприятности, что явно указывало на его дурное влияние.

Тун Вэйлун даже к собственному сыну не испытывал особой доброты, что уж говорить о ребёнке, который появился из ниоткуда?

Разозлившись, он схватил документ и отправился к Ван Пинпин, чтобы спросить, считает ли она его ещё главой семьи.

Очевидно, нет.

Внутренне Ван Пинпин ответила на его вопрос.

Когда она вырвалась из узких рамок дома и увидела более широкий мир, она начала задаваться вопросом, как раньше терпела этого глупого, самодовольного и жестокого мужчину?

— Я глава этой семьи, — беззастенчиво заявил Тун Вэйлун. — Но когда я вернулся домой после работы, обнаружил, что в документе появился кто-то неизвестный, кто-то, кто живет здесь, ест и пьёт за мой счёт. Ван Пинпин, ты становишься всё смелее.

Увидев, что Тун Вэйлун заикнулся на документе, Тун Дафэн забеспокоилась.

Получить лоток с едой — всё равно что обрести золотую курицу, несущую золотые яйца. Как она могла не волноваться?

Она незаметно толкнула болтливого мужчину, чтобы привлечь его внимание, и шёпотом напомнила:

— Давай сначала разберёмся с лотком, а документ обсудим дома.

Прерванный Тун Вэйлун явно был недоволен, но Тун Дафэн, хорошо зная его характер, поспешно добавила:

— Людей становится всё больше, если устроим скандал, всем будет неприятно.

Тун Вэйлун вдруг осознал, что маленький лоток уже окружён толпой зевак.

Стыд от того, что семейные разборки стали публичными, заставил его покраснеть, и он начал разгонять толпу, как кур.

— Пошли! Пошли! Что уставились?

Раньше в деревне все друг друга знали, и люди хоть как-то считались с Тун Вэйлуном, но в уезде всем было наплевать, кто он такой.

Толпа не только не расходилась, но кто-то даже крикнул:

— На тебя смотреть интересно!

Толпа разразилась смехом.

В этом беспричинном хохоте Тун Вэйлун едва не потерял последние остатки рассудка.

Тун Дафэн вовремя спасла ситуацию.

Она полностью проигнорировала шумную толпу и с притворной доброжелательностью обратилась к Ван Пинпин:

— Невестка, давай не будем выносить семейные дела на публику, поговорим дома.

Ван Пинпин осталась безучастной:

— Кто твоя невестка?

Тун Дафэн запнулась, но через силу улыбнулась.

— Ну... Всё село Дая знает, что ты моя невестка, жена моего брата Тун Вэйлуна.

Среди толпы были и жители деревни Дая, которые поддержали её словами.

Получив поддержку, Тун Дафэн почувствовала себя увереннее.

Она повернулась к Сюй Цзя:

— Видишь, мы тебя не обманывали, этот лоток действительно принадлежит моей невестке.

— Кто сказал, что лоток мой? — прервала её Ван Пинпин.

Тун Дафэн опешила, затем забеспокоилась. Неужели Ван Пинпин хочет откреститься?

— Все знают!

Ван Пинпин лишь усмехнулась и подошла к Сюй Цзя:

— Этот лоток не мой, он принадлежит хозяйке Сюй Цзя. Я просто работаю у неё.

У таких передвижных лотков нет лицензий, и трудовые договоры не заключаются. Кто хозяин, а кто работник, зависит только от слов Ван Пинпин.

Сюй Цзя сразу поняла её замысел.

— Нет, ты врешь!

Тун Дафэн не ожидала, что Ван Пинпин, лишь бы не отдавать лоток, готова отдать его женщине из другого города.

Тун Вэйлун мрачно наблюдал за происходящим.

Этот маленький лоток не имел для него большого значения. Если Ван Пинпин говорит, что он не её, пусть так и будет.

Он напрямую сказал Сюй Цзя:

— Ван Пинпин больше не будет здесь работать, и ты не плати ей больше.

Сюй Цзя взглянула на него и скривила губы. Она уже слышала от Тун Цяня о «подвигах» этого отца-предателя.

Не только она, но и Тун Цянь, появляясь рядом с лотком, неустанно рассказывал окружающим о своём отце, о том, как он изменял с вдовой, бил жену и сына. Его слова лились рекой, словно у профессионального рассказчика.

Ван Пинпин несколько раз пыталась его остановить, но безуспешно, и в конце концов махнула рукой.

— Это называется захватом информационного поля, — уверенно заявлял Тун Цянь. — К тому же я ничего не выдумываю, всё, что я говорю, он действительно делал. Даже в суде он не сможет обвинить меня в клевете.

Благодаря его стараниям многие посетители лотка знали, что женщина, готовящая «Рисовые шарики Ван», очень несчастна, а её муж — отъявленный негодяй.

Некоторые уже шептались об этом, а теперь, увидев своими глазами, как этот негодяй пришёл отбирать у жены работу, убедились в правдивости слов Тун Цяня.

— Так это ты, Тун Вэйлун? Как тебе вдова? — раздался насмешливый мужской голос.

Толпа взорвалась смехом, перемежающимся смущёнными возгласами девушек: «Какой бесстыдник!»

Тун Вэйлун никак не ожидал, что в незнакомом уезде его тайны станут достоянием общественности.

Сгорая от стыда и ярости, он обернулся, пытаясь найти того, кто его высмеивал, но безуспешно.

Сюй Цзя, наблюдая за реакцией, поняла, что народ на её стороне.

— Почему ты запрещаешь мне нанимать Ван Пинпин? Труд — это почётно. Она работает, я плачу ей, это справедливо. Разве не так?

— Так! — поддержали её.

Всего несколько фраз превратили спор между двумя женщинами и Тун Вэйлуном с сестрой в массовую поддержку.

Ван Пинпин наконец поняла, что имел в виду Тун Цянь под «захватом информационного поля».

Тун Вэйлун сжал кулаки, глядя на женщину, которая снова и снова бросала ему вызов. Он изо всех сил сдерживался, чтобы не ударить её.

Здесь было много людей, не как дома, где он мог делать что угодно.

Если бы он осмелился ударить её на улице, Тун Вэйлун не сомневался, что Ван Пинпин с её жестокостью отправит его за решётку.

Нельзя поддаваться на её провокации.

Стиснув зубы, он сказал:

— Я её муж, она моя жена. Если я не хочу, чтобы она работала, она не будет работать!

— Что за слова? — даже незнакомая тётя возмутилась, указывая на него пальцем. — Председатель Мао говорил, что женщины держат половину неба. Мужчины и женщины равны. Даже если ты её муж, это не даёт тебе права указывать, как ей работать!

Разве у меня нет права?

Тун Вэйлун вырос в семье, где ценили только мужчин. Дома он видел, как отец командовал матерью, а та выполняла большую часть работы по дому и в поле, в то время как отец сидел сложа руки, играл в карты и болтал. Он думал, что так устроены все семьи.

Мужчинам ничего не нужно делать, они и так могут быть главными, а женщины должны работать, как лошади, чтобы выжить.

Мужчина управляет женщиной — это естественно.

Но теперь кто-то указывал на него и говорил, что у него нет права.

Тун Вэйлун не осознал этого, а почувствовал себя оскорблённым.

Его лицо исказилось, и он начал брызгать слюной на тётю.

— Я сказал, что у меня есть право, значит, есть! Таких болтливых женщин, как ты, нужно выводить и отрезать им языки!

Тётя, очевидно, была боевой и не испугалась угроз Туна Вэйлуна. Она громко сказала:

— Не зря говорят, что этот человек ни на что не годится. Такие мужчины только и умеют, что командовать, а сами ничего не стоят, как мёртвые. Незамужние девушки, послушайте меня: прежде чем выходить замуж, хорошенько подумайте, ни в коем случае не связывайтесь с такими мужчинами.

Ван Пинпин горько усмехнулась.

Ошибка, которую она совершила, уже стоила ей половины жизни, и в оставшиеся дни она обязательно исправит её.

Поэтому она собралась с духом и, глядя на почти безумного Туна Вэйлуна, чётко произнесла:

— Я не твоя жена. Я хочу развода.

Толпа замерла, затем взорвалась.

Кто-то хочет развестись?

<http://bllate.org/book/16382/1482668>